

Свѣтлячокъ

1902 г.

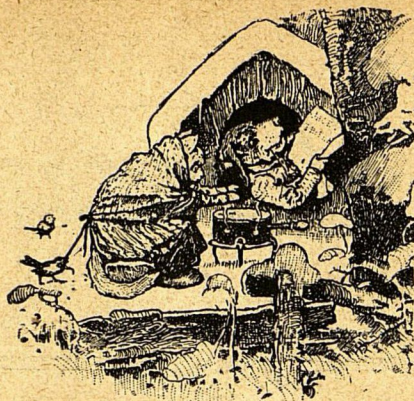

№ 9.

Государственный
Библиотечный
фонд
И. П. К. Девкина

Радушный хозяинъ.

Радушный хозяинъ.

(Къ рисунку на стр. 157).

Выпилъ Кутька молоко,—

Стало на сердцѣ легко.

Вотъ зоветъ онъ двухъ котятъ:

— „Пейте морсе,—я вамъ радъ.“

Пьютъ котята и твердятъ:

— „Ну, спасибо, только, братъ,—

„Да услугу эту ты

„Насъ не дергай за хвосты!..“

— „Да ужъ ладно, такъ и быть,—

„Станемъ въ мирѣ съ вами жить.“

Пьютъ котята молоко,—

Въ дружбѣ жить куда легко.

Ж. Даниловъ.

Весенняя сказка.

Снѣговой болванъ рѣшилъ устроить праздникъ. Еще бы! цѣлыхъ полтора мѣсяца простоялъ онъ на садовой дорожкѣ, гордо подбоченясь, въ надѣтой набекрень старой шапкѣ; а два большихъ угля, воткнутые вмѣсто глазъ, такъ сердито смотрѣли кругомъ, что самые смѣлые воробьи не рѣшались подлетать близко.

Услыхавъ о праздникѣ, воробьи нахохлились съ горя. Вѣрно, еще долго простоить зима, если снѣжный болванъ и не думаетъ таять. Грустно слѣдили они за хлопотавшими Витей и Сашей, которые наряжали болванчика въ обрывки лентъ и цвѣтные лоскутки.

— А вотъ и вамъ, воробушки! — сказала Саша, бросая зерна на снѣгъ. — Приходите и вы къ нему на пирушку!..

— «Не желаю!» — крикнулъ болванъ и такъ грозно глянулъ на воробьевъ, что одинъ уголь вывалился.

— Неужели онъ уже таетъ? — опечалились дѣти.

Однако, они вставили глазъ снова и нашли, что болванчикъ сталъ еще красивѣе. Воробьи совсѣмъ присмирѣли. — Но въ эту самую минуту прыгая по вѣткамъ, вдругъ зачирикалъ, во все воробьиное горло только что прилетѣвшій воробей; онъ былъ весь какой-то взъерошенный, потому что чрезвычайно торспился.

— Братцы!.. голубчики!.. слушайте!.. — выкрикивалъ онъ. — Радостныя вѣсти! Хорошія новости! Весна идетъ! Весна близко!..

— Неужели правда?.. Ты-то почему знаешь? Вѣрно ли? — зачирикали обрадованныя птички.

— Вѣрно, братцы, вѣрно! Я леталъ за городъ. Это у насъ здѣсь въ городѣ ничего не видно, а въ деревнѣ-то что дѣлается! Грачи, журавли, жаворонки, шумятъ, свистятъ, совсѣмъ меня оглушили. Да это что — журавли: я съ самими ласточками повстрѣчался!

Туть уже всѣ повѣрили.

— Ура! ура! ласточки!—раздались восторженные голоса,—значить, дѣйствительно, идетъ сама Весна!..

— Кто смѣетъ толковать о Веснѣ?—гнѣвно закричалъ снѣжный болванъ. — Ласточки иногда прилетаютъ совсѣмъ не во время!.. Да и не пущу я сюда Весну: этотъ садъ—мое царство!..

Но воробьи не угомонились до самаго сна, и долго еще старыя воробьихи покрикивали на веселую молодежь.

Стемнѣло; взошла луна. Къ разукрашенному болванчику собрались гости: усатый котъ Чернышъ, дворняжка Красотка и почтенная крыса, которую Чернышъ обѣщался не обижать въ этотъ вечеръ.

— Смотрите всѣ на меня!—говорилъ болванъ. — Глупыя птицы ждутъ весны, а я ея не боюсь. Что за весна такая?! пусть только она покажется!.. мы еще съ нею повоюемъ!..

Вдругъ подулъ тихій, нѣжный вѣтерокъ. Небо стало прозрачнѣе, звѣзды вспыхнули ярче, и душистымъ тепломъ пахнуло въ лицо болванчику. Онъ крикнулъ и замолкъ. Гости насторожились.

— Весна!..—сказаль Чернышъ, сладко жмурясь.

— Весна!—радостно тьякнула Красотка, а крыса подняла кверху острую мордочку и объявила:

— Хорошій день будетъ завтра, теплый!

Болванъ разсердился и прогналь ихъ. При этомъ одна рука его упала и слегка задѣла крысу.

— Ага! ты ужъ таешь!—закричала крыса.

Болванъ швырнулъ въ нее и другую руку.

— Я васъ! я васъ!..—кричалъ онъ и вдругъ треснулъ посерединѣ. — Ого! да развѣ я въ самомъ дѣлѣ таю?—испугался онъ.

А воробьи высунули головки изъ-подъ застрѣхъ и зачирикали:

— Что такое?.. что такое?!..—и опять заснули, а вѣтерокъ тихо ласкаль ихъ перышки.

Болванъ вздохнулъ и задумался. Развѣ не все то же самое? Сколько разъ всходила эта ясная луна, сколько ночей кланялись отъ вѣтра деревья, сколько пустыхъ разговоровъ было у воробьевъ о веснѣ!.. Такъ неужели теперь пришелъ конецъ?.. Болванъ долженъ былъ признать, что струсилъ.

— «Хоть бы скорѣй!» — подумалъ онъ съ тоской. — «Иди, Весна!..»

— Я здѣсь, — шепнулъ кто-то. — Ночью я не могу являться въ такомъ блескѣ, какъ днемъ, когда солнце освѣщаетъ меня, когда птицы мчатъ меня на своихъ крылышкахъ, — но и ночью я творю свое дѣло.

Болванчикъ взглянулъ своими угольками и не сразу разглядѣлъ Весну въ ея темно-синей одеждѣ, затканной звѣздами, съ короной изъ мѣсячнаго сіянія. Не была ли это та же ночь, что окружала его, — прозрачная, тихая, теплая?..

— У меня голова кружится! — пробормоталъ онъ.

Весна положила ему на голову руку, и весь онъ осѣлъ и сдѣлался рыхлымъ. Ему вдругъ стало легко и весело... Онъ видѣлъ, какъ осѣдали сугробы по саду, какъ сваливались съ крышъ сосульки; слышалъ, какъ трещали на рѣкѣ льдины... Онъ видѣлъ, какъ угасали звѣзды на платьѣ Весны, какъ блѣднѣло это платье, какъ розовый свѣтъ зари вспыхнулъ на ея прекрасной головкѣ. Снѣговой болванъ улыбнулся во весь ротъ, крикнулъ:

— Весна пришла! Всему свое мѣсто!.. — и рассыпался.

— Вода изъ этого снѣга напоить моихъ первенцевъ!—сказала Весна, осыпая его подснѣжниками. — Въ путь, мои птицы!.. насъ ждуть, тамъ, на дальнемъ сѣверѣ!..

Солнце всходило. Журавли, дрозды, дикія утки съ шумомъ вспорхнули, окружили красавицу—Весну, подняли ее высоко надъ землей на своихъ крыльяхъ. И двинулось побѣдоносное шествіе дальше, къ туманному сѣверу, нетерпѣливо ожидавшему дорогую гостью... Кругомъ все таяло, капало, шумѣло.

— Болванчикъ растаялъ! — говорили по утру дѣти,—вотъ и два уголька!.. больше отъ него ничего не осталось!..

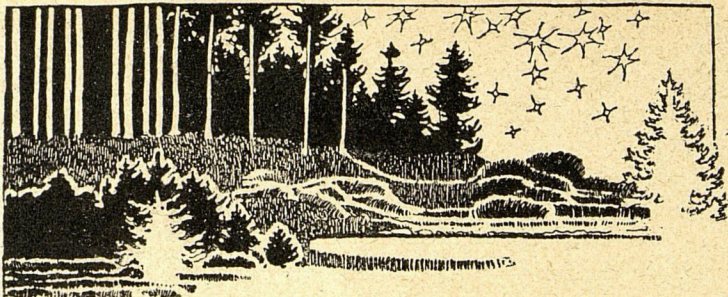
Торжественно и радостно гудѣли колокола въ первый день ранней Пасхи. Въ этотъ день распустились подснѣжники, скромные, улыбающіеся, и первый поцѣлуй солнца скользнулъ по ихъ милымъ глазкамъ. А когда прибѣжали дѣти и ахнули отъ восторга, нѣжные лепестки затрепетали,— и ихъ кроткая пѣсенка не затерялась въ общемъ гулѣ:

— «Мы были глупой, сердитой снѣжной куклой! Могла ли она доставить дѣтямъ такую радость, какъ мы!»..

А. Эрѣ

Ошейникъ.

Ошейникъ.

(Къ рисунку на стр. 165).

„Скажи, Нептунъ, мнѣ: что съ тобой?
„Зачѣмъ на цѣпи ты метался?
„Ошейникъ славный, дорогой“
„Тебѣ, ты видишь самъ, достался.

„Его я на себя надѣлъ,
„Что-жъ въ немъ ужаснаго такого?“—
Молчалъ Нептунъ, хоть и хотѣлъ
Сказать ребенку свое слово:

„Не цѣпь съ ошейникомъ грозить,
„Но не въ неволи ты, затѣйникъ!..
„Коль песь на привязи сидить,
„И дорогой не миль ошейникъ!...“

© Д.

Капитанъ Бонпъ.

ПОВѢСТЬ.

(По Жуновскому).

На одномъ кораблѣ служилъ опытный, искусный морякъ — капитанъ Бонпъ. Но онъ былъ недобрый человекъ: людей притѣснялъ, угнеталъ; и матросы его не любили. Однажды тяжело захворалъ капитанъ и слегъ въ постель у себя въ каютѣ.

Никто не хотѣлъ помочь ему, подать лѣкарство или воду, поправить постель. Такъ стоворились всѣ. Лежитъ капитанъ, всѣми брошенный, забытый. А на кораблѣ былъ бѣдный мальчикъ; и его тоже капитанъ, бывало, жестоко обижалъ.

Но мальчику стало жаль капитана. Онъ пришелъ навѣдать его и спрашиваетъ:

— Ну, какъ вы, капитанъ?

— Убирайся прочь! — крикнулъ на него сердито капитанъ.

Мальчикъ не обидѣлся на него; онъ и на другой день пришелъ къ нему и спрашиваетъ:

— Капитанъ, не нужно ли вамъ чаю?

— Ахъ, Робертъ, — сказалъ капитанъ, — я страдалъ всю ночь. Мальчикъ умылъ ему руки, лицо, обрилъ его; потомъ поднялъ его, поправилъ подушки и напоилъ чаемъ.

Съ грустною улыбкой смотрѣлъ на него капитанъ; заботливость ребенка тронула его суровое сердце, и на глазахъ его сверкнули слезы.

Онъ вспомнилъ всю свою несправедливость, свою грѣшную жизнь, и теперь онъ раскаивался въ этомъ; ему было страшно одному; онъ никогда не молился, онъ ничего не зналъ о Богѣ.

И вотъ однажды, когда Робертъ зашелъ къ нему, Бопшъ сказалъ:

— Ахъ, Робертъ, я скоро умру. Но мнѣ страшно, какъ меня накажетъ Господь! Я не умѣю молиться. Послушай, Робертъ, можетъ быть, на корабль найдется евангеліе? Поищи, голубчикъ.

Нашелъ Робертъ евангеліе и сталъ его читать капитану. А капитанъ сталъ жадно слушать каждое слово. Онъ видѣлъ теперь, какъ нехорошо жилъ до сихъ поръ, и не смѣлъ вѣрить, что Богъ его простить.

Всю слѣдующую ночь мучился капитанъ Бопшъ, а утромъ и говоритъ Роберту:

— Я не могу совѣмъ молиться, Робертъ. Помолись ты за меня Богу!

— Капитанъ, — сказалъ Робертъ, — я тоже не умѣю молиться. Но капитанъ такъ горячо просилъ, что Робертъ сталъ на колѣни и воскликнулъ:

— Господи! помилуй моего больного капитана. А я молиться не умѣю. Онъ боится погибнуть. Не дай ему, Господи, погибнуть! Возьми его къ Себѣ!

Больной молчалъ и только горько плакалъ. Вечеромъ Робертъ опять читалъ евангеліе капитану, а утромъ, когда вошелъ къ нему, — то просто не узналъ его. Страхъ, отчаянье исчезли. Лицо его было веселое, свѣтлое, смиренное.

Робертъ читаетъ евангеліе капитану.

— Ахъ, Робертъ!..—сказаль капитанъ, — нынче ночью въ ногахъ постели я увидѣль Самого Спасителя. Онъ былъ на крестѣ... Я подползъ къ нему и крикнулъ:—„Помилуй меня, Христось, меня, злодѣя-капитана“.—и Онъ на меня взглянулъ и улыбнулся!.. И вдругъ уста Его пошевелились, и Онъ сказалъ мнѣ: „Ободришь и вѣруй!“ Я съ рыданіемъ упалъ передъ крестомъ, и вдругъ все исчезло. Теперь я вѣрую, что Господь меня простилъ и спасеть меня.

Робертъ заплакалъ

— Не плачь, Робертъ, — отвѣчалъ капитанъ, — я теперь счастливъ. Жаль мнѣ только тебя, какъ сына. Ты останешься одинъ на кораблѣ среди грубыхъ, нечестивыхъ людей. Не пади на мою дорогу, Робертъ... Ты мнѣ указаль счастье, ты спасъ меня... Но ты самъ можешь погибнуть. Пойди, скажи всѣмъ людямъ, что я прощаю ихъ всѣхъ, и прошу простить и меня.

Весь день больной былъ покоенъ и все слушалъ, какъ Робертъ читаль ему евангеліе.

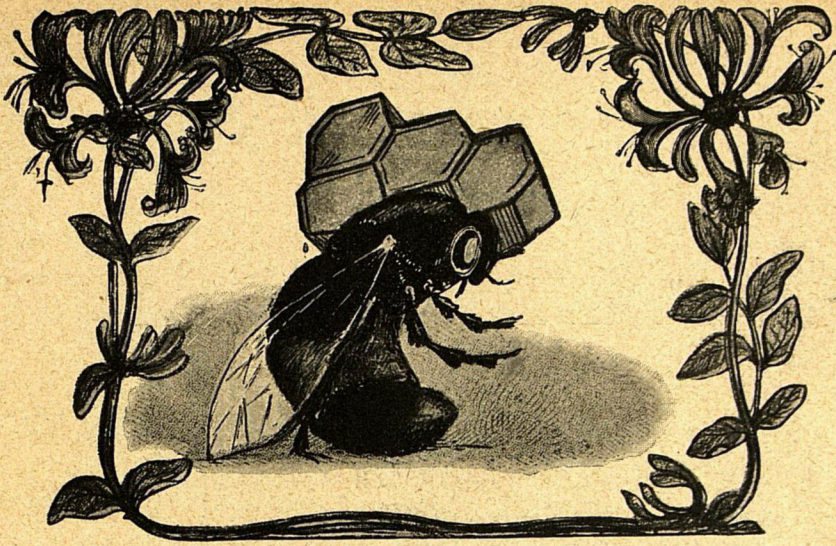
А утромъ, когда Робертъ вошелъ къ нему, — онъ увидѣль, что капитанъ стоитъ на колѣняхъ въ углу тамъ, гдѣ ему явился Спаситель. Глаза капитана были закрыты, щеки блѣдны, но лицо было спокойное, ясное.

— Капитанъ!—кликнулъ тихо Робертъ, — капитанъ!

Но онъ не отвѣчалъ ему ничего и стоялъ на колѣняхъ въ углу безъ движенія...

Такъ спокойно и тихо умеръ капитанъ Боппъ.

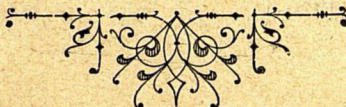

Свой трудъ.

(Басня).

Подъ тяжестью своей изнемогая,
Тащила соты пчелка молодая;
Еще далеко улей былъ.
— „Убью тебя!—медвѣдь, съ ней встрѣтись, пригрозилъ,—
„Коль не раздѣлишь ты со мною ношу!..“
— „Убей меня,—я своего не брошу,—
Пчела ему сказала тутъ:—
„Дороже жизни выполненный трудъ!..“

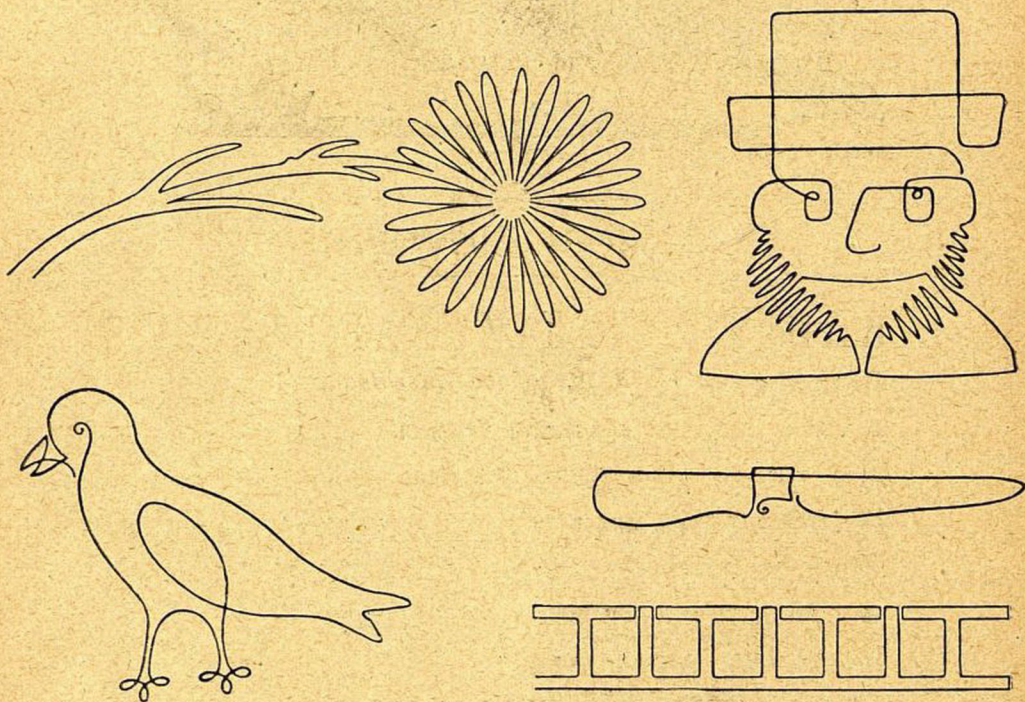
С. Я.

Съ одного росчерка.

(Занятія).

Вотъ вамъ нѣсколько рисунковъ, попробуйте точно срисовать ихъ,—но только смотрите—съ одного росчерка; разъ на-

чете вести карандашомъ по бумагѣ,—то уже нельзя отнять отъ бумаги; нельзя и два раза провести по одной и той же линіи.